

ОЛЬГА АНИНИНА

Поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Новосибирске, сейчас живет в Санкт-Петербурге. Окончила Новосибирский медицинский институт и Литературный институт имени Горького. Входит в состав СП Санкт-Петербурга. Нандидат медицинских наук.

Публиковалась в журналах «Новый мир», «Сибирские огни», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Этани», в детском журнале «Нунумбер» и других печатных изданиях. Автор четырех поэтических сборников и трех книг прозы. Представляла Россию на 14-м Международном фестивале поэзии в Буэнос-Айресе, а также на 32-м Фестивале поэзии в Труа-Ривьере (Нанада). Стихи переведены на английский, французский, испанский, корейский, болгарский языки, а также на иврит и фарси.

ДАР

Стихотворение может
управлять человеком.
Вот почему
люди не очень-то любят стихи:
они видят в стихах
акт насилия.
Чем мощнее воздействуют слова,
тем сильнее поэт.
Чем сильнее поэт – тем больше власти
у его слова.
Например,
я не припомню ничего круче
маминых одностий,
созданных в рамках классической традиции:
«Тебя ждет серьезный разговор».
«Ешь, я сказала».
«Дома, в десять, как штык».
У моей мамы,
оказывается,
был поэтический дар.
Удивительно,
почему ей никто,
никто не открыл этого
раньше.
Может быть, тогда
вся эта жизнь
сложилась бы по-другому.
Мама бы сказала –
и жизнь бы сложилась.
Поэты могут.
Они такие.

НА БЕРЕГУ

Это видео появилось в ленте
у одних знакомых, с которыми
раньше мы были друзьями.
Раньше – лет двадцать назад.
Двадцать, а может быть, больше.
Случайно
отснятые кадры.

Сосиски на шампурах, помидоры и пиво
на берегу обского водохранилища.
Моя разломаченная коса
заткнута за ремень
дешевых турецких джинсов.
Со мной две девицы в коротких топах
(имен не помню)

и трое парней,
все трое светловолосы,
все трое мои ровесники.
Я тогда не влюблялась
в светловолосых ровесников,
и потому в тот день
мне было особенно хорошо.

Женились, разводились,
теряли родителей,
зарабатывали гипертонию,
о этот дивный прекрасный мир.
Но сейчас, когда утекло столько воды,
я думала не об этом.
Не только об этом.

Мне стало яснее ясного,
почему ты тогда
с таким упорством
пытался меня растоптать.
Жестокость твоя
стащила с себя одежды,
как прежде, грубо и нагло.

А как еще обращаться с телом,
не жравшим жизни с ножа,
как, если пока еще
самое ценное в этом теле –
его одноразовая упаковка.

Глаза бесстыдные,
не понимающие
своего бесстыдства.

Растрепанная коса,
которую так и хочется
с силой накрутить на запястье.

ПАНТЕЛЕЙМОНУШКА

мне нравится, как шутят
музыканты.
словами не объяснишь,
а смешно.

мне нравится, как шутят врачи.
тут главное,
чтобы шутка была новой.
я все еще надеюсь услышать такую.

но больше всего я люблю,
когда шутят священники
хотя, казалось бы:
им-то над чем?

и все-таки они хохочут
так заразительно.
не в храме, конечно.
в келейке.

потом перекрестятся,
откашливаясь,
пройдут мимо Пантелеймонушки.
а он-то все слышал,

он знает даже о том,
что остается от смеха
в глазах шутильщика,
в веселой его душе.

Пантелеймонушка слушает,
прыскает в кулачок,
но пламя свечи напротив
даже не колыхнется.

ЛИЛИПУТЫ

это случается,
когда человеку уже сорок пять,
или сорок девять,
или даже пятьдесят три,
когда человек еще не настолько стар,
чтобы впасть в маразм,
но, прямо скажем, – свое уже отмолодал,
все большое далеко развеял,
научился просто/мудро жить
и доказал, что лучше гор могут быть,

вдруг

наступает момент:
где-то в небе,
шелкают пальцами,
если это можно назвать пальцами

хрясь –

и до знаменитого архитектора
внезапно доходит,
что он никогда не разбирался
в несущих конструкциях,

трезвый водитель
(стаж вождения тридцать один год)
вылетает на встречу, и – в лобовое

а у стареющего музыканта
по спине бежит холодок:
это – гармония? – спрашивает он себя
и не понимает, не чувствует,
ему кажется, что он
на самом деле никогда не понимал,
не чувствовал,
только врал себе
и другим врал,
но самое обидное – себе.

если после прозрения
им удастся выжить,
они оглядываются по сторонам,
отмолодавшие бедняги,
а там, снаружи,
круглое – уже не круглое,
белое – не белое,
там, снаружи,
словари с такими словами,

клавиры с такими нотами,
люди с такими глазами,
волны с такой амплитудой

жалкие лилипуты
топчутся
среди искаженных форм,
неустойчивых строений,
готовых рухнуть

но обязательно найдется один,
который кричит,
бежит сломя голову
навстречу небелому, некруглому, неустойчивому,
изо всех сил старается выправить
все, что так внезапно
поехало вкривь и вкось.

лилипуты,
будьте бдительны.
обезвредьте его,
иначе
он утянет вас обратно в болото,
этот старорежимный тормоз,
упертый баран,
серость,
про такого поэт сказал:
нет разума в чурбане,

ведь даже ребенку понятно,
что время вперед,
спасибо за наше счастливое время,
держите шаг,
а с нарушителями
мы разберемся
по законам новой эпохи